
(с) Л. А. Авилова (1864–1943). Рассказы. Воспоминания.
Издательство "Советская Россия", 1984.
Подготовка текста: Тамара

Она маленькая. Ей всего три года. У нее дед Антон Губан, бабка Анисья, а мать ее зовут Матрешей. Отца она не знает; он ушел на заработки года два назад и пропал. Может быть, его уже и в живых нет. Все может быть. Поэтому и Матрешу, и ее, маленькую Любку, выгнали из дома свекра, так как баб и ребят и без них там много. Матреша теперь ни девка, ни вдова, ни замужняя и живет опять у своих родителей. Избенка у них крошечная, в новом порядке против господского сада.

Любка уже все знает и все может рассказать. Она не жалеет, что ее отец, Аким, пропал.

– Вихрь его возьми! – серьезно говорит она. – На кой он нам нужен? Мы и без него проживем!

– А дед у тебя хороший?

– Когда хороший, а то пьяный. Он, подлец, наш самовар в кабак утащил.

– Ну, а бабушку ты любишь?

– Бабка дура. Закутает голову, ничего не слышит. Совсем дура.

– Только мать хороша?

Любка смеется.

– Знать, вправду, хороша?

– Лупоглазая! – немного конфузливо определяет Любка, и нельзя понять, похвала это или порицание.

Летом Любка весь день на улице.

Мать сшила ей из лоскутков пестрый чепец с оборкой и это ее гордость и ее радость. Платье ее с замазанным передом надето на голое тело, ножонки босы, руки и лицо всегда грязны, но когда на ее голове чепец, она считает себя нарядной.

– Обрядилась! – говорит она и конфузится от своего собственного великолепия.

Кроме чепца, у нее есть еще сокровище: нитка черного бисера. Ее она надевает только по праздникам.

На улице у Любки всегда есть дело. Она гоняет кур, ловит котенка, возит в тележке подобие куклы, возится в золе, поднимая ногами облака пыли.

Кто бы ни проходил мимо дома Губана, все всегда видят Любку и редко кто не заговаривает с ней, чтобы посмеяться ее бойким ответам.

– Где мать-то?

– На поденной. Садовник придти велел.

– А тебя чего не взял?

– Я, как захочу, сама пойду.

– Работать будешь?

– А то?

– А за что тебя сегодня, говорят, бабка била?

– Да ведьма! Вот и дерется. Право слово, ведьма старая.

В окошечко избы показывается голова старухи Анисьи и сморщенное лицо ее ласково смеется.

– Да когда же я те, касатка? Что ты? Иди, умница, домой: дождик сейчас пойдет, замочит. Иди, желанная!

Но Любка уже знает, что бабушке всегда кажется, что "сейчас пойдет дождь и замочит", и на ее зов она никогда не обращает ни малейшего внимания. Только послушайся ее и зайди в избу, и она сейчас же будет вычесывать Любке голову, а то, еще того хуже, снимет с нее платье, посадит голую на лавку, а платье в корыте выстирает и сушить повесит. Сиди и вой, пока высохнет. Не хочется голопузой-то на улицу выскакивать. Скажут: "бедная, перемениться не во что". А Любке это обидно, потому что она убеждена, что двор у них богатый. Когда ей в гостях предлагают угощение, она всегда пожимает плечами и немного презрительно улыбается и отворачивается.